

Фольклористика

УДК: 398(=511.131)(092)(045)

А. В. Камитова

РОЛЬ М. А. КУРОЧКИНА В СОХРАНЕНИИ УДМУРТСКОГО ФОЛЬКЛОРНОГО НАСЛЕДИЯ

В работе представлены малоизвестные факты из жизни и деятельности Михаила Алексеевича Курочкина – одного из представителей удмуртского просветительства начала XX в., внесшего большой вклад в сохранение и популяризацию фольклорного наследия удмуртского народа, развитие музыкальной культуры Удмуртии. Введены в научный оборот новые фактологические сюжеты из жизни просветителя и педагога, выявленные в ходе работы с газетными материалами и архивными документами. Описаны некоторые особенности песенного сборника с нотами М. А. Курочкина «Кубыз, 1925», составленного на основе фольклорных полевых материалов. Даная книга рассматривается в контексте эпохи, в которой жил М. А. Курочкин. Его педагогическая деятельность способствовала формированию музыкального направления в удмуртской науке, воспитанию национальных кадров. Изучение жизни и творческой биографии М. А. Курочкина позволило определить его вклад в культурную жизнь удмуртского народа.

Ключевые слова: удмуртский фольклор, просветительская деятельность, музыкальная культура удмуртов, песенный сборник, Можгинский педагогический техникум.

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-2-221-228

Среди деятелей, причастных к становлению профессиональной удмуртской культуры и искусства обнаруживаются малоизвестные либо совсем забытые имена, часто с очень скудными биографическими сведениями. В круг лиц, принимавших активное участие в культурно-просветительской работе в начале XX в., входит Михаил Алексеевич Курочкин – один из представителей провинциальной русской интеллигенции, разносторонне одаренный человек. Развитие его творческого и профессионального пути пришлось на время, когда в удмуртской фольклористике начиналась активная собирательская деятельность. Запись и изучение удмуртской песни стало одним из востребованных направлений. Только за период с 1925 по 1927 г., по наблюдениям И. М. Нуриевой, «вышло шесть сборников удмуртских народных песен с нотами и многочисленные издания текстовых песенников» [Нуриева 2014, 32]. Удмуртская песня в это время также находилась в сфере научных интересов зарубежных исследователей [Krohn 1901–1902; Pelissier 1925; Pannoff 1929]. М. А. Курочкин входит в число первых авторов, записывавших собранные тексты песен нотами. Ему принадлежит книга удмуртских песен с нотами «Кубыз. Удмурт крезьёс (гур'ёс)», изданная в 1925 г. в Ижевске тиражом 1000 экземпляров и ставшая уже библиографической редкостью. Этот труд, наряду с другими опубликованными в начале XX в. фольклорными сборниками, входит в фонд уникальных образцов удмуртского песенного материала. В научном дискурсе до сих пор остаются открытыми вопросы, связанные с реконструкцией музыкального инструмента, изображенного на обложке книги М. А. Курочкина, а также с воссозданием ключевых моментов биографии самого автора.

Материалы о жизни М. А. Курочкина скудны и в целом основываются на небольшом очерке Н. П. Павлова [Павлов 1969] и воспоминаниях его бывшего студента И. Г. Гаврилова [Гаврилов 1978]. Опираясь на этот исследовательский ресурс, а также на документы фондов архива Можгинского педагогического колледжа им. Т. К. Борисова, Управления по делам архивов Администрации г. Сарапула¹ и материалы газет, более подробно осветим особенности творческой деятельности М. А. Курочкина, обратим внимание на некоторые факты его биографии.

¹ Благодарим за оказанную помощь в поиске материалов начальнику Управления по делам архивов Администрации г. Сарапула Н. В. Тошевиковой и лаборанту архива Можгинского педагогического колледжа им. Т. К. Борисова Ю. А. Зинатовой.

В фондах Управления по делам архивов Администрации г. Сарапула хранятся несколько документов личного дела М. А. Курочкина за период с 1921 по 1923 гг.: это прошение, рапорт и удостоверение. В Можгинском педагогическом колледже им. Т. К. Борисова материалов по личному делу М. А. Курочкина также немного. Остались лишь некоторые документы, подписанные директором учебного заведения Королевым: приказ об отпуске преподавателя на летний период 1936–1937 учебного года [Опись № 4, л. 1], приказ о премировании «за высокие качественные показатели по преподаваемым предметам и участие в общественной работе 50% стоимости месячной путевки в санаторий» [Опись № 4, л. 58], приказ о премировании «за непосредственное руководство и участие в художественном оформлении техникума к 17 годовщине октября» [Опись № 2, л. 34]. Дополнительные документы могли храниться в Можгинском городском архиве, но из-за случившегося пожара архивные дела с 1925 по 1935 гг. были утрачены.

Опубликованные на сегодняшний день материалы о М. А. Курочкине представляют собой небольшие биографические справки. Обнаруженные нами документы, хранящиеся разрозненно в различных архивах Удмуртии, вкупе с известными фактами позволят глубже осмыслить биографию М. А. Курочкина, а также его творческую, собирательскую и просветительскую составляющие.

Михаил Алексеевич Курочкин родился 15 ноября 1886 г. в г. Елабуге. Умер от туберкулеза (*чакмон*) 14 декабря 1938 года. [Павлов 1965, 47]. Его отец был псаломщиком. Вероятно, поэтому выбор места учебы молодого Михаила пал на Вятскую духовную семинарию. Во время Первой русской революции амбициозный семинарист вошел в число участников забастовок. В результате – часть революционно настроенных семинаристов была отчислена. Эта участь ждала и М. А. Курочкина. Возможно, его судьба сложилась бы иначе, но благодаря ходатайству преподавателей перед администрацией, Михаилу Алексеевичу было разрешено продолжить учебу в семинарии. Его активная натура нашла себя в качестве организатора семинарских праздников и творческих вечеров.

После окончания Вятской духовной семинарии М. А. Курочкин некоторое время проработал учителем пения и рисования в Сарапульском духовном училище, а также, как он сам пишет, был «надзирателем над учениками» [Ф-64 Оп. 2. Д. 255. Л. 3].

Здесь у него возникло желание связать жизнь с изобразительным искусством. Для осуществления мечты он установил связь с великим русским художником И. Е. Репиным, которому направлял свои работы. Илья Ефимович, обратив внимание на художественный талант Михаила, приглашал его продолжить обучение в Академии художеств в Санкт-Петербурге. Но планам М. А. Курочкина не суждено было осуществиться из-за позиции местных священников. В 1918 г., Сарапульское духовное училище было закрыто и М. А. Курочкин находился в поисках работы. С этого момента начинаются новые повороты судьбы. Согласно архивным документам, с 20 июля 1921 г. он служил в Николаевской церкви в с. Поршур «в качестве чтеца и певца при совершении богослужений и церковных треб» [Ф-64. Оп. 2. Д. 255. Л. 5]. В сентябре 1921 г. он обращался с прошением к Преосвященнейшему Александрию епископу Сарапульскому и Елабужскому о том, чтобы его могли «допустить на исполнение

обязанностей псаломщика» при Николаевской церкви в с. Поршур Можгинского уезда Вотской автономной области [Ф-64. Оп. 2. Д. 255. Л. 3]. Его прошение было удовлетворено. Уже 2 октября 1923 г. его направляют на псаломническую вакансию в Вознесенский кафедральный собор г. Сарапула [Ф-64. Оп. 2. Д. 255. Л. 4]. Но из-за неявки к месту службы 14 декабря 1923 г. М. А. Курочкина освобождают от должности псаломщика [Ф-64. Оп. 2. Д. 255. Л. 6]. Вероятно, тогда же М. А. Курочкин принял решение переехать в Можгу. Начиная с 1923 г. и до конца жизни, он работал в Можгинском педагогическом техникуме.

Это учебное заведение имеет необычную историю. Основано оно было в 1918 г. как Елабужская удмуртская учительская семинария, в 1922 г. переименовано в Можгинский вотский педагогический техникум, с 1940 г. получает статус училища. Современное название – Можгинский педагогический колледж. В разные годы руководителями учебного заведения были талантливые представители удмуртского народа: первым директором-организатором техникума был Т. К. Борисов, а с 1922 по 1926 гг. директором техникума работал Я. И. Ильин.

В ходе перемещения учебного заведения из здания Елабужского епархиального училища, трудами Т. К. Борисова, Я. И. Ильина, его братьев и нескольких помощников. в с. Можгу на обозах были перевезены парты, стулья, классная доска, рояль, две фисгармонии, струнные музыкальные инструменты, разные приборы, книги и учебные пособия. Можгинский педтехникум заботился об улучшении качества учебного процесса, а для поддержки обучения музыке – о пополнении музыкальными инструментами. В одном из номеров журнала «Кенеш» за 1928 г. сообщается, что педтехникум имеет в своем распоряжении двое гуслей (*быдзым крезь*) и в планах – покупка еще одного инструмента [Пбортэм иворъёс 1928, 44].

На первых порах из-за нехватки учащихся сами директора Можгинского педтехникума выезжали в села и деревни, чтобы отобрать для учебы способных ребят. Среди выпускников первых лет были известные в будущем писатели Д. Майоров, А. Векшина (Ашальчи Оки), М. Тимашев, М. Кильдияров, И. Курбатов, Г. Медведев, М. Коновалов, И. Гаврилов, Т. Архипов, Ф. Кедров и др. Помощь в становлении будущих удмуртских литераторов оказали литературный и драматический кружки педтехникума.

В годы работы в Можгинском педагогическом техникуме раскрылся педагогический талант М. А. Курочкина. Он преподавал пение, рисование и труд. В свободное время лепил из глины, увлекался резьбой по дереву, вязал и вышивал, хорошо знал столярную работу. Вместе с учащимися М. А. Курочкин заботился о благоустройстве территории: разбивал цветники и оформлял клумбы. Благодаря ему в техникуме был создан четырехголосный хор из сопрано, альты, тенора и баса. По воспоминаниям И. Г. Гаврилова, репетиции хорового кружка проходили в главном корпусе Можгинского педучилища. Из всех кружков хоровой был самым большим. Студенты выступали со своим репертуаром в клубе завода «Свет» и гастролировали по соседним деревням. Под руководством М. А. Курочкина они исполняли отрывки из опер М. И. Глинки «Руслан и Людмила», Н. А. Римского-Корсакова «Снегурочка», Ж. Бизе «Кармен», а также песни разных народов. Из воспоминаний И. Г. Гаврилова известно, что в репертуар входили удмуртские, русские, украинские песни и современные советские песни [Гаврилов 1978, 13]. Так, представленная студентами инсценировка по мотивам поэмы А. С. Пушкина «Цыганы» была восторженно принята зрителями с. Можги [Павлов 1965, 45]. Для постановки М. А. Курочкиным был изготовлен бюст А. С. Пушкина [Вичужанин 1993, 20]. К каждой песне сам М. А. Курочкин писал нотные партии. На репетициях никто из студентов не осмеливался петь без нот. Когда не хватало из певческих голосов баса, Михаил Алексеевич приглашал своего брата. Родительские собрания и праздники, организованные в педучилище, всегда проходили с участием хора. Благодаря хору студенты знакомились не только с русской и мировой культурой, но и постигали азы нотной грамоты и сами могли перелаживать тексты на ноты.

Более наглядно воссоздать живой биографический портрет М. А. Курочкина позволяют воспоминания И. Г. Гаврилова – одного из студентов Можгинского педтехникума: «Проступающие по худому лицу морщины придавали представление о нем, как человеке жестоком. С рыжеватыми волосами, с желтоватыми усами под носом. Смеющимся его увидишь редко. Несмотря на то, что на занятиях он был требовательным, все ученики его любили. М. А. Курочкин мог рассмешить, поднять настроение другим» [Гаврилов 1978, 13]. М. А. Курочкин был человеком разносторонне одаренным и с охотой принимался за любое дело. Он был художником и хормейстером, хорошим столяром и сапожником. Одевался он всегда просто и аккуратно. Его ботинки блестели, словно были покрыты черным лаком. Сшитую им обувь он раздавал детям-сиротам.

В методику своей преподавательской деятельности М. А. Курочкин также включал сбор фольклорного материала, который возлагался на учеников Можгинского педтехникума. Затем песни, записанные от ребят, приехавших из разных уголков Вотской области, перелажались им на ноты. Некоторые тексты руководитель хора включал в репертуар своих выступлений. Интерес М. А. Курочкина к удмуртскому фольклору не ограничивался рамками педагогической работы. Собранный фактический материал он реализовал в виде издания в 1925 г. песенного сборника «Кубыз». В 1965 г. Н. Павлов писал про книгу «Кубыз», что она редкая и «только специалисты-музыковеды, вероятно, знают о ней» [Павлов 1965, 46]. Предыстория создания этой книги такова: М. А. Курочкин вместе со студентами с 1923 по 1924 гг. выезжал с экспедицией в населенные пункты Можгинского, Малмыжского и Казанского уездов. В эти годы преподаватель был уже очень болен. По словам Н. Павлова, во время экспедиции в д. Большие Сибь М. А. Курочкин встретился с народным певцом из крестьян А. Шишкиным [Павлов 1965, 46]. По просьбе Михаила Алексеевича этим информантом для гостя был изготовлен музыкальный инструмент – *кубыз*. Иллюстрация к обложке книги, на которой изображены *кубыз* и портрет А. Шишкина, сделана самим М. А. Курочкиным. По словам И. Г. Гаврилова, Александр Шишкин (*Олексан агай*) работал конюхом в конюшне при педтехникуме [Гаврилов 1978, 14]. Возможно, он начал работать в педучилище по приглашению М. А. Курочкина. Преподаватели Можгинского педтехникума выезжали с просветительскими беседами и пропагандами к сельским жителям. А возил их туда на тарантасе А. Шишкин.

А. Шишкин знал много удмуртских напевов и в свободное от работы время пел их играя на *кубызе*. Также он пел и выступал со своим музыкальным инструментом на концертах, организованных студентами Можгинского педтехникума. И. Г. Гаврилов делился впечатлениями от его игры на *кубызе*: «*Уд-а паймы: крезез но крезьлы уг кельшы. Паськыт чагез куасалтэмын, со борды одйг гинэ балалайка си юнматэмын. Тазьы учкыса пукычлы кельше. Сиез чиньыеныд выретйид ке, майсы сямен, ялан одйг выллем бызгетоз. Дышымтэ мурт таچه крезен огшоры гурез но шудыны уз быгаты. Нош Олексан агайлэн ки улаз инструмент кырза но, бёрдэ но. Одйг пумзэ пиньёсыз борды пыкыса, ымдурьёсыныз пачкатэ, нош бур кызылэн азь чиньыеныз сиез жугыны кутске. Ымдурьёссэ выретэмяз кубызэз я уллань каре, я вылланьгес жутэ. Пелез вешась чебер но нёж гурез нёръяны кутске кубыз*» [Гаврилов 1978, 38–39] ‘Удивительно: крезь на крезь не похож. Широкая щепка изогнута, к ней прикреплена струна балалайки. Похожа на стрелу. Если дотронешься до струны, словно шмель, будет звенеть монотонно. Необученный человек на таком крезе не сможет сыграть даже простую мелодию. А в руках дяди Олексана инструмент и поет, и плачет. Один конец подперев к зубам, зажимает губами, а указательным пальцем правой руки начинает набивать по струнам. По тому, как сжимал губы, *кубыз* он направлял либо вниз, либо поднимал повыше. *Кубыз* начинает издавать приятную для уха красивую и тихую мелодию’.

В описании И. Г. Гаврилова и на самой обложке книги М. А. Курочкина «*Кубыз*» зафиксирован одна из архаичных разновидностей струнно-смычковых инструментов – *пукыч* – музыкальный лук. По всей видимости, этот инструмент в некоторых локальных традициях удмуртов именовался «*кубыз*». Здесь, скорее всего, мы имеем дело с таким явлением, которое описала М. В. Есипова: «Термин “*кобуз*” по мере распространения стал “прикрепляться” к самым разным струнным инструментам» [Есипова 2013, 27]. В современном традиционном понимании под словом *кубыз* имеется ввиду двух- и трехструнный хордофон (скрипка) [Пчеловодова 2015: 47, Пчеловодова 2010, 97]. Именно в таком смысле в дореволюционной литературе встречаются упоминания о данном музыкальном инструменте. К примеру, этнограф М. Бух писал об увиденной во время экспедиции «обычной скрипке» [Buch 1882, 100]. Кузубай Герд в одной из своих работ писал: «*Карлыган палась удмурт ‘ёс кубыз (скрипка), яке кырезь (гусли) шудыса кизэс чапкыса, такмак (припев) кыл вераса экто. <...> Кубызэн пиёс гинэ шудо*» [Герд 1927, 93] ‘Калыганские удмурты играя на *кубызе* (скрипке) или на крезе (гусли), танцуют прихлопывая в ладони и припевая такмаки (припевы)’. По данным И. В. Пчеловодовой, *пукыч* в качестве музыкального инструмента впервые зафиксирован музыковедом В. М. Беляевым, в описании которого он представлен как музыкальный лук «с одной, двумя или даже тремя тетивами-струнами из конских волос, приводимыми в вибрацию лукообразным смычком также из конских волос, натираемых еловой смолой» (цит. В. М. Беляева по: [Пчеловодова 2015, 47]).

В 1926 г. отмечалось, что для исполнения песен удмуртов использовали музыкальные инструменты, среди которых – *кубыз*: «*Кырзан ‘ёссэс кырзаны кырезьёссы вань (кубыз, кыскон, нёжмыт сям ‘ёссы чалмытэсь, мёзмылэсэсь*» [П. Ф. 1926, 58] ‘[У удмуртов. – А. К.] для исполнения песен есть креси (*кубыз*, тянущие, протяжные манеры спокойные, тоскливые’. Но постепенно этот музыкальный

инструмент уходил в прошлое. В 1928 г. М. Тимашев писал: «*Вашкала удмурт'ёс быдзым крезен, кубызэн туж мусо, туж усто бордымон жож гур'ёс, эктымон капчи гур'ёс шудозы вылэм. Табере нош быдзым крезь шудйсьёсыз туж шер шедьтод...*» [Тимашев 1928, 22] «Древние удмурты на Великий гусях, на кубызе очень мило, очень умело, до слез печальные мелодии, легкие плясовые мелодии играли, бывало. Но теперь играющих на Великих гусях встретишь редко...»

В ходе полевых работ студентами Можгинского педтехникума под руководством М. А. Курочкина были собраны удмуртские песни, из которых в сборник «Кубыз» вошли 20 текстов. Также в сборник включено 7 переводных революционных песен. Студенты техникума выступали не только в качестве собирателей, но и в роли переводчиков, поскольку сам Михаил Алексеевич не владел удмуртским языком. Предисловие (*кыл чолтон*), написанное М. А. Курочкиным на русском языке, на удмуртский язык переведено А. Устюжаниной, А. Медведевой, Ф. Спасской. М. А. Курочкин обогащает удмуртский музыкально-фольклорный тезаурус словами: *удмурт кырзан кылъёс* 'слова удмуртской песни', *удмурт кырзан гуръёс* 'удмуртские напевы', *крезь* 'ноты/мелодия', *кырзан нимъёс* 'названия песен'. В предисловии к книге отмечено, что в подготовке сборника, а именно в переводе песенных текстов в ноты, работали от Можгинского удтехникума Илья Яшон (Яков Ильин), Анна Медведева, Екатерина Коновалова, Екатерина Ермолаева и Анна Спасская. Песенный сборник с нотами стал большим подспорьем для самостоятельных коллективов и самих студентов педтехникума [Курочкин 1925, 2]. Создавая книгу, М. А. Курочкин преследовал свои цели, но опосредованно он способствовал сохранению до наших дней удмуртских песен, бытовавших в начале XX века.

В предисловии М. А. Курочкин популяризирует сборники песен Кузебая Герда «Малмыж удмурт'ёслэн кырзан'ёссы» 'Песни малмыжских удмуртов', И. Яковлева «Удмурт кырзанъёс» 'Удмуртские песни'. В последующем и Кузебай Герд в сборнике песен «Удмурт кырзанъёс, 1927» напишет о книге М. А. Курочкина. Уже в эти годы М. А. Курочкин обозначает проблему сохранения песенной традиции: «*Удмурт кырзан кыл'ёс арисен аре воштиськыса кошко, со удмурт кырзан гур'ёсыз но кыл'ёсыз вунэтонтэм понна, мон гожтисько. Кыкетиез нош, удмурт калык ваньмыз пазяськыса улэмись, озгылэсь озгы кырзан гур'ёссэс но, кыл'ёссэс но тросэз уг тодо*» [Курочкин 1925, 1] «Слова удмуртских песен из года в год меняются, чтобы не забыть эти удмуртские мелодии и слова, я пишу. Во-вторых, ввиду того, что удмуртский народ живет рассеявшись, песенные мелодии и слова многие из них не знают».

Книга «Кубыз» состоит из двух разделов, которые предваряются текстом песни «Интернационал (Быдэс дуннейсь ужась калыклэн кырзанэз)» с нотами. В свою очередь первый раздел еще разделен на три части. Часть «I. Малмыж удмурт'ёслэн кырзан'ёссы» ('Песни малмыжских удмуртов') состоит из 11 песен с нотами; часть «II. Можга егитъёслэн кырзанъёссы» ('Песни можгинской молодежи') – из 5 песен, с указанием того, что текст песни 'На грудь да повешено' («Гадям но быртэм») является 'песней крещеных татар' («кряшен крезь»), текст 'Ой, среди черных лесов' («Ой, съод нюлэс шор'ёсын») является 'песней можгинских девушек' «Можга кышноёслэн кырзанзы»; часть «III. Казан пал удмуртёслэн кырзанзы» ('Песни казанских удмуртов') состоит из 4 песен со следующими примечаниями: «Сактоз но медам» (пересь кышноёслэн кырзанзы) 'Рассветет ли (песня пожилых)', «Гурезь выжыяд» (пинал ныл'ёслэн но кышноёслэн кырзанзы) 'У пригорки (песня молодых девушек и женщин)', «Борозда лёгам, ай пыдъёсмы» (солдат'ёслэн кырзанзы) 'Борозду протоптавшие, ай ноги (песни солдат)', «Урамтй ортчись» (сюан крезь) 'По улице проходящий (свадебная песня)».

Во втором разделе представлены «Песни революции» («Революци сярись кырзан'ёс»), переложенные на ноты для вотского хора М. А. Курочкиным. В их числе: снова повторяется «Интернационал», затем идут похоронный марш («Ватон марш»), «Смело товарищи в ногу» («Пыддэс юлтошьёс»), «Последнее прости» («Берпум зеч лу»), «Песня ссыльных» («Ой, марлы-о?»), «Солнце всходит и заходит» («Шунды жужа, шунды пуксе»), «Проводы» («Келяськон»), в котором указано, что слова принадлежат Д. Бедному. Это «классический» репертуар революционных песен, включаемых в фольклорные песенные и поэтические сборники. К примеру, в сборниках Т. К. Борисова «Удмурт кылбур'ёс» (1919) и «Удмурт стихотворенияес» (1919) широко представлены песни интернационального рабочего движения: коммунистический «Интернационал», опубликованный без указания автора и переводчика, варианты удмуртской «Марсельезы», траурный марш (автор Я. Ильин). Наличие революционно-песенного контента объяснимо осознанием сути общественной борьбы того времени, стремлением приобщиться к происходящим в стране социально-политическим преобразованиям и собственно самой существовавшей традицией/литературной модой, определявшей иерархию жанров в гуманитарной практике. Варианты переложений агитационных песенных текстов в начале XX в.

распространялись устным путем и письменными способами: публиковались как в книгах стихов, так и в сборниках народных песен.

Подводя итоги, можно констатировать, что М. А. Курочкин наряду с другими собирателями внес свой вклад в дело сохранения и популяризации удмуртского фольклора, в историю становления удмуртского музыкально-педагогического просвещения. В педагогической практике он широко использовал наряду с классической музыкой удмуртские песни как средство эстетического воспитания. Благодаря приобщению к собиранию удмуртского фольклора учащихся техникума, он прививал интерес к родной культуре. Создание им музыкального хора при Можгинском педагогическом техникуме способствовало развитию музыкальных способностей студентов. Все формы фольклорной, музыкально-просветительской, педагогической деятельности М. А. Курочкина представляли особую ценность в культурной жизни удмуртского народа. Опубликовав книгу «Кубыз», он оказал незаметную поддержку самодеятельным коллективам, содействовал сохранению локальной специфики песенных текстов, а также популяризовал искусство нотной грамоты. Самим названием сборника и изображением кубызы на нем, он сохранил для современного исследователя представление о музыкальном инструменте, еще бытовавшем среди удмуртов в 1920-е годы.

ЛИТЕРАТУРА

- Вичужанин А. Г.* Нашей юности обитель. Ижевск: Удмуртия, 2008. 240 с.
- Вичужанин А. Г.* Стало домом родным. Ижевск: Удмуртия, 1993. 256 с.
- Гаврилов И.* Тодам ваисько. Ижевск: Удмуртия, 1978. 172 с.
- Герд К.* Удмурт кырзән'ёс. 1-тй книга. 3-тй шуккетэз. Ижевск: Удкнига, 1927. 113 с.
- Горяев Н. В.* Сравнительный этимологический словарь русского языка. Тифлис: Типография канц. главнонач. гр. ч. на Кавказе, 1896. 282 с.
- Документы по личному составу преподавателей, сотрудников и учащихся Можгинского педагогического училища (1933–1986 гг.) // Архив Можгинского педагогического колледжа им. Т. К. Борисова. Оп. 2. Лл. 34–35.
- Документы по личному составу преподавателей, сотрудников и учащихся Можгинского педагогического училища (1933–1986 гг.) // Архив Можгинского педагогического колледжа им. Т. К. Борисова. Опись № 4. Лл. 1, 58.
- Есипова М. В.* История и география распространения древнетюркского термина «кобуз» («музыкальный инструмент») // Научный Татарстан. 2013. № 3. С. 26–35.
- Нуриева И. М.* Удмуртская музыкально-песенная традиция: специфика жанрообразования и функционирования: дис. ... докт. искусств. Ижевск, 2014. 415 с.
- Пчеловодова И. В.* Аэрофоны в системе традиционной инструментальной культуры удмуртов // Ежегодник финно-угорских исследований. 2010. № 1. С. 95–108.
- Пчеловодова И. В.* Конструкция удмуртского традиционного струнного инструмента кубыз в терминологическом аспекте // Вестник угроведения. 2015. № 1 (20). С. 46–51.
- П. Ф. Туж бадзым ужмы палэнэ кыле // Кенеш. 1926. № 5–6. С. 58–59.
- Павлов Н.* Дышетйсьлэн вунонтэм ужез // Молот. 1965. № 2. С. 45–47.
- Павлов Н. П.* М. А. Курочкин // Путь к удмуртской опере / Сост. А. Н. Голубкова. Ижевск: Удмуртия, 1969. С. 29–32.
- Пёртэм иворъёс // Кенеш. 1928. № 10–11. С. 44–46.
- Тимашев М.* Удмуртлэсь чеберлыксэ кыре поттоно // Кенеш. 1928. № 10–11. С. 22.
- Личное дело М. А. Курочкина за 1921–1923 гг. // Управление по делам архивов Администрации г. Сарапула. Ф-64 Оп. 2. Д. 255. Л. 3.
- Buch M.* Die Wotjaken: Eine ethnologische Studie. 2. Ausg. Helsingfors: Druckerei der Finnischen Litteratur Gesellschaft, 1882. 190 s.
- Krohn I.* Melodien der Berg-Tscheremissen und Wotjaken // Sammelbande der Internationalen Musik-Gesellschaft. Dritter Jahrgang 1901–1902. S. 430–438.
- Panoff P.* Phonographierte wotiakische, permjakische und tatarische Lieder // Zeitschrift für Musikwissenschaft, 1929. № 11. S. 609–626.
- Pelissier R.* Mordwinische Erzählungen und Lieder, Märchen und Zaubersprüche. In: Doegen, Wilhelm (Hrsg.). Inter fremden Völkern. Eine neue Völkerunde. Berlin: Stollberg, 1925. S. 233–249.

Поступила в редакцию 18.08.2022

Камитова Алевтина Васильевна,
кандидат филологических наук, старший научный сотрудник,
Удмуртский институт истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН,
426067, Россия, г. Ижевск, ул. Ломоносова, д. 4.
E-mail: akamitova@mail.ru

A. V. Kamitova

THE ROLE OF M. A. KUROCHKIN IN MAINTAINING OF THE UDMURT FOLKLORE HERITAGE

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-2-221-228

The paper presents little-known and new facts from the life and work of Mikhail Alekseevich Kurochkin – one of the representatives of the Udmurt enlightenment of the early XX century. He made a valuable contribution to the development of the musical culture of the Udmurt people. The information about his multifaceted work is given. Special attention is paid to the biographical information of M. A. Kurochkin. Little-accessible and interesting factual data about the educator and teacher, revealed during the work with the documents of the funds of the archive Department of Archives of the Administration of Sarapul, Mozhginsky Pedagogical College named after T. K. Borisov as well as newspaper materials, have been introduced into scientific circulation. Some features of the songbook with notes by M. A. Kurochkin “Kubyz, 1925” are described. The book was compiled by him on the basis of collected field materials. This publication is considered in the context of the era in which the Udmurt teacher worked. His pedagogical and cultural training activities contributed to the formation of a musical direction in Udmurt science, the education of new national cadres. The study of the life and creative biography of M. A. Kurochkin, his musical and educational activities made it possible to determine his significant contribution to the cultural life of the Udmurt people of the early XX century.

Keywords: musical culture of the Udmurts, educational activities, songbook, Udmurt folklore, Mozhginsky Pedagogical College.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2023, vol. 17, issue 2, pp. 221–228. In Russian.

REFERENCES

- Vichuzhanin A. G.** *Nashei yunosti obitel'* [Our youth abode]. Izhevsk: Udmurtiya Publ., 2008. 240 p. In Russian.
- Vichuzhanin A. G.** *Stalo domom rodnym* [It became a native home]. Izhevsk: Udmurtiya Publ., 1993. 256 p. In Russian.
- Gavrilov I.** *Todam vais'ko* [Memories]. Izhevsk: Udmurtiya Publ., 1978. 172 p. In Udmurt.
- Gerd K.** *Udmurt kyrdzan'es* [Udmurt songs]. Izhevsk: Udkniga Publ., 1927. 113 p. In Udmurt.
- Goryaev N. V.** *Sravnitel'nyi etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Comparative etymological dictionary of the Russian language]. Tiflis: Tipografiya kants. glavnonach. gr. ch. na Kavkaze Publ., 1896. 282 p. In Russian.
- Dokumenty po lichnomu sostavu prepodavatelei, sotrudnikov i uchashchikhsya Mozhginskogo pedagogicheskogo uchilishcha (1933–1986 gg.) [Documents on the personnel of teachers, staff and students of the Mozhginsky Pedagogical College] // Arkhiv Mozhginskogo pedagogicheskogo kolledzha im. T. K. Borisova [Archive of Mozhginsky Pedagogical College named after T. K. Borisov]. Op. 2. Ll. 34–35.
- Dokumenty po lichnomu sostavu prepodavatelei, sotrudnikov i uchashchikhsya Mozhginskogo pedagogicheskogo uchilishcha (1933–1986 gg.) [Documents on the personnel of teachers, staff and students of the Mozhginsky Pedagogical College] // Arkhiv Mozhginskogo pedagogicheskogo kolledzha im. T. K. Borisova [Archive of Mozhginsky Pedagogical College named after T. K. Borisov]. Op. 4. Ll. 1, 58.
- Esipova M. V.** *Istoriya i geografiya rasprostraneniya drevnetyurkskogo termina «kobuz» («muzykal'nyi instrument»)* [The history and geography of the distribution of the ancient Turkic term «kobuz» («musical instrument»)]. *Nauchnyi Tatarstan* [Scientific Tatarstan], 2013, no. 3, pp. 26–35. In Russian.
- Nurieva I. M.** *Udmurtskaya muzykal'no-pesennaya traditsiya: spetsifika zhanroobrazovaniya i funktsionirovaniya: dis. ... dokt. iskusstv* [Udmurt music and song tradition: specifics of genre formation and functioning]. Izhevsk, 2014. 415 p. In Russian.
- Pchelovodova I. V.** *Konstruktsiya udmurtskogo traditsionnogo strunnogo instrumenta kubyz v terminologicheskoy aspekte* [The design of the Udmurt traditional stringed instrument kubyz in the terminological aspect]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2015, no. 1 (20), pp. 46–51. In Russian.

Pchelovodova I. V. *Aerofony v sisteme traditsionnoi instrumental'noi kul'tury udmurtov* [Aerophones in the system of traditional instrumental culture of the Udmurts]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovani* [Yearbook of Finno-Ugric Studies], 2010, no. 1, pp. 95–108. In Russian.

P. F. *Tuzh badzym uzhmy palene kyle* [The great work remains on the sidelines]. *Kenesh* [Kenesh], 1926, no. 5–6, pp. 58–59. In Udmurt.

Pavlov N. *Dyshetis'len vunontem uzhez* [An unforgettable teacher's work]. *Molot* [Molot], 1965, no. 2, pp. 45–47. In Udmurt.

Pavlov N. P. M. A. Kurochkin [M. A. Kurochkin]. *Put' k udmurtskoi opere* [The path to the Udmurt Opera]. Izhevsk: Udmurtiya Publ., 1969, pp. 29–32. In Russian.

Pertem ivor'es [Various news]. *Kenesh* [Kenesh], 1928, no. 10–11, s. 44–46. In Udmurt.

Timashev M. *Udmurtles' cheberlykse kyre pottono* [It is necessary to show the beauty of Udmurt]. *Kenesh* [Kenesh], 1928, no. 10–11, p. 22. In Udmurt.

Lichnoe delo M. A. Kurochkina za 1921–1923 gg. [Personal file of M. A. Kurochkin for 1921–1923] // *Upravlenie po delam arkhivov Administratsii g. Sarapula* [Department for Archives of the Administration of Sarapul]. F-64 Op. 2. D. 255. L. 3.

Buch M. *Die Wotjaken: Eine ethnologische Studie* 2. Ausg. Helsingfors: Druckerei der Finnischen Litteratur Gesellschaft, 1882. 190 p.

Krohn I. *Melodien der Berg-Tscheremissen und Wotjaken* // *Sammelbande der Internationalen Musik-Gesellschaft. Dritter Jahrgang 1901–1902*. Pp. 430–438.

Panoff P. *Phonographierte wotiakische, permiakische und tatarische Lieder* // *Zeitschrift für Musikwissenschaft*, 1929, no. 11, p. 609–626.

Pelissier R. *Mordwinische Erzählungen und Lieder, Märchen und Zaubersprüche*. In: Doegen, Wilhelm (Hrsg.). *Inter fremden Völkern. Eine neue Völkerunde*. Berlin: Stollberg, 1925. Pp. 233–249.

Received 18.08.2022

Kamitova Alevtina Vasilevna,
Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher,
UdmFRC UB RAS,
4, ul. Lomonosova st., Izhevsk, 426067, Russia.
E-mail: akamitova@mail.ru